

Стэндинг Г. 2014. *Прекариат: новый опасный класс*. М.: Ад Маргинем Пресс. 328 с.

BABINTSEV Valentin Pavlovich, Dr.Sci.(Philos.), Professor of the Chair of Social Technologies, Belgorod State National Research University (85 Pobedy St, Belgorod, Russia, 308015; babintsev@bsu.edu.ru)

AUTHORITY AND SOCIETY IN THE PROVINCIAL REGION: SPECIFICS OF INTERACTION

Abstract. The article considers the problem of organization of interaction between authority and society on the example of provincial Russian regions. The article justifies that in an unstable social environment, establishing of such interaction becomes the major requirement, and the refusal of it minimizes possibilities of the strategic development. The author formulates the conclusion that modern Russian regions are characterized by the contradiction between a dynamic, unstable society and a formal-bureaucratic system of administration. The existence of this contradiction significantly complicates the process of the interaction between power and civil society. The article proves that the regional bureaucracy owing to the features of its dispositions is not ready to real cooperation with the society. This practice often takes the imitative nature, which in conditions of the passivity of citizens and the low level of trust in the institutions of governance, as a rule, gives it the manipulative nature.

Keywords: provincial region, social instability, chaos, civil society, civil participation, bureaucracy, power

СОЛОДОВНИК Любовь Владимировна — доктор философских наук, профессор Донского государственного технического университета (344000, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1; lu.sol@mail.ru)

ЗАЯЦ Павел Всеволодович — кандидат исторических наук, доцент Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, Большая Садовая ул., 105/42; pavelzajats@gmail.com)

СОЦИОКОММУНИКАТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗБАЛАНСИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития современного российского общества, анализируются качественные характеристики социокоммуникативных предпосылок разбалансирования социальной ситуации через их мифологизацию. Авторы осмысливают социальную реальность в системе координат коммуникативного управления. Раскрываются аспекты формирования внешних раздражителей ценностно-нормативного механизма сбалансированных социальных отношений как главной угрозы социальной стабильности в стране. Фокусируется внимание на том, что коммуникативная инфраструктура занимает важнейшее место в гарантировании его целостности. Авторы подходят к анализу заявленного проблемного поля с точки зрения междисциплинарных практик, которые опираются на методы публичного администрирования и коммуникативного управления.

Ключевые слова: гуманитарное знание, социальный диагноз, прогнозирование, коммуникативное управление, социокоммуникативные факторы, социальное информационное пространство

В 2017 г. наступает знаковая историческая дата — столетие Великой Октябрьской социалистической революции (или октябрьского большевистского переворота).

Как это ни парадоксально, до сих пор нет ясности и однозначности ни в сложном — в гносеологических сущностных характеристиках этого уникального исторического события, ни в простом — в его наименовании.

В 1921–1937 гг. И. Гессен и его единомышленники провели уникальную по сложности кропотливую работу по подготовке и изданию «Архива русской революции» в 22 томах, в котором даны ответы на все вопросы. Читать источники, размышлять и делать собственные обоснованные выводы — кажется, что может быть проще? Прошло почти 100 лет — не получается следовать этому принципу. Сам издатель, предвидя это, пишет: «...главная трудность заключается не в том, чтобы преодолеть пристрастие и предвзятость, важнее всего отрешиться от своей собственной личности, не делать ее центральной фигурой» [Архив русской... 1991: 7].

И на сегодняшний день слишком очевидно желание ряда сил разного характера, в т.ч. и политических, а также интеллектуальной общественности как-то в свою пользу сыграть на нем, выстроив тот или иной социальный миф, фантом и публично его интерпретировать через призму современных событий и явлений, происходящих в российском обществе.

Рассматривая этот сложнейший вопрос в социокоммуникативном контексте, необходимо в качестве отправных точек творческой лаборатории социального диагноза и прогнозирования обозначить три идеи.

1. Бесспорная актуальность и востребованность когнитивной деятельности по осмыслению базовости (первоосновы) социокоммуникативных факторов, которые будоражат социальные общности и группы современного российского общества [Zayats, Posukhova 2013: 1629].

Последние 25 лет можно охарактеризовать словами С. Надсона из стихотворения «Завеса сброшена»: «Как мало прожито — как много пережито!» Сформировалось новое поколение, в лексиконе которого при доминировании сетевого восприятия окружающей социальной среды полностью отсутствуют идеи исторической памяти и гордости, формирующие устойчивость любого общества [Посухова 2013а: 131].

Их ценностно-нормативный механизм сбалансированного поведения полностью видоизменен, а ключевой стабилизатор в виде контрольно-санкционного алгоритма превращен в героико-трофейный бег на месте. Произошла социальная трансформация от категории «воля кумира, его интеллект» к категории «победителя с кубком».

Исследователи активно стали разрабатывать категорию «креативный класс», незнакомую большинству населения с точки зрения сложившихся нравственных и духовных устоев российского общества [Волков 2011: 28].

Креативность — это весьма удобный социокоммуникативный первоисточник для манипулирования этим поколением и разбалансирования социальной ситуации в стране. Это объясняется тем, что именно сумма сознаний индивидов — потребителей массмедиа продуцирует общий знаменатель совместных желаний и убеждений как духовную пропасть с предыдущими поколениями [Posukhova, Zayats 2014: 426].

А этот общий знаменатель уникально укладывается в бакунинскую методологическую схему: «Дух разрушающий есть дух созидующий. Страсть к разрушению есть творческая страсть!»

Мало кто задумывается, есть ли объективные социокоммуникативные предпосылки «цветных» проектов как подсознательной анархической бытийности современного гражданина России, которая, в свою очередь, «замешивает» ингредиенты для уличных бунтов и сжигания автомобильных покрышек?

2. Вседозволенность, многомиллионные зарубежные гранты на поддержку демократии в России и постмодернистские интеллектуальные практики логи-

чески довели политическую ангажированность российских обществоведов до абсурда (на дворе 2017 г., а дело академика М. Покровского «живее всех живых»).

Современные гуманитарии, гоняясь за индексом Хирша и публикациями, индексируемыми в *Scopus* (чтобы подать заявку на грант Российского научного фонда, который по идее является гарантом и хранителем национальной интеллектуальной традиции, необходимо иметь минимум 3 публикации такого рода), отдавшись количественным показателям собственной профессиональной успешности, позабыли о профессионализме и служении Отечеству.

А вот к чему это привело: любая актуальнейшая, требующая детальной проработки тема мгновенно, во-первых, коммуникативно обкладывается идеологическими капканами и черно-белой мифологизацией (либо очень-очень превосходно, либо очень-очень отвратительно), во-вторых, агрессивно и навязчиво излагается в медиaprостранстве апологетами, перемещающимися из одного ток-шоу в другое [Заяц 2013а: 40].

3. При интеллектуальной экспертной деятельности нельзя отбрасывать внешний фактор. При сохранении государственного суверенитета государственных границ как таковых уже нет, и социальное воздействие извне из-за стирания социальных барьеров между сообществами (*Twitter, Facebook, Skype*) доминирует. Это не значит, что следует маниакально верить в заговоры, перманентный захват страны злодеями и проходимцами, но осмысливать это и считаться с этим стоит.

Сразу оттолкнемся от последнего тезиса.

На сегодняшний день именно внешний фактор — это реальная объективная и ключевая угроза для разбалансирования ситуации в стране. По итогам последних избирательных кампаний видно, что правящая партия и политический истеблишмент теряют доверие жителя города-мегаполиса. А это самый активный гражданин, который не боится публично говорить и социально взаимодействовать через Интернет. Да, на февраль 2017 г. в большинстве своем они увлечены группами совместных покупок и лайками мимимишных зверушек. Вроде бы политикой они публично не интересуются, и у так называемых лидеров оппозиции рейтинги ниже статистической погрешности (в районе 1,5%), но они информационно и социокommunikативно активны [Интернет в... 2016: 53-61] и проводят много времени в социальном информационном пространстве [Посухова 2015: 23].

Интернет-пространство — это производная динамичного социального развития в рамках глобализма и концепта глобального мироустройства. А как когнитивно реагировать на глобализм? В чем риски и вызовы его социальных фантомов [Зинченко 2015: 168], прежде всего в природе тренда глобализма, который объективно существует и доминирует на сегодняшний день и завораживает умы большинства граждан до 45 лет — жителей мегаполисов?

Что интересно, в настоящее время универсализм социальных наук постепенно вытесняется глобализмом. Данная методологическая схема рассматривает мировое сообщество людей как совокупность взаимосвязанных региональных социальных систем, не подчиняющихся единым универсальным закономерностям общественного прогресса. Глобализм творит единое культурное пространство. Продукты науки и культуры, информация, новые технологии включены в Интернет и существуют как реальная виртуальность, из которой люди черпают идеи. В результате активизируется процесс массовизации культуры [Zayats, Posukhova, Filyushkina 2015: 520].

Глобализм, безусловно, оказывает существенное влияние на социальные науки, изменяет основные теоретические положения, формирует соответствующую

концепцию современного общества и методологическую основу изучения социальных систем [Заяц 2015: 82].

В современном мире происходят реальные изменения социального пространства и ритма времени. Глобализм предлагает новый методологический подход к изучению этих явлений, вводится понятие пространственно-временной конвергенции.

Социальное пространство не ограничивается рамками региона как микроединицы анализа [Заяц, Посухова 2012: 6]. Общественные отношения и социальная деятельность осуществляются независимо от специфики региона, они организуются в глобальном социальном пространстве. В результате возникает сеть социальных взаимодействий, изъятых из социокультурного контекста конкретного региона, существующих независимо от него и, как следствие, разрушающих естественные культурные коды и ценностно-нормативные механизмы социальной регуляции [Посухова 2013б: 100].

Российское общество, будучи частью современного мирового сообщества, в результате процесса глобализации имеет четко сложившуюся экономическую, политическую, социальную и культурную составляющие. Глобализм создает планетарную экономику посредством информационных сетей, определяющих конкурентоспособность всех структурных единиц, — это транснациональные корпорации, торговля и услуги, финансовый рынок, рынок труда. Он структурирует единое политическое пространство, которое через наднациональные структуры оказывает воздействие на региональные институты власти, устанавливает современный правовой порядок. В результате организуются сетевые государства, распределяющие полномочия между регионами.

Глобализм способствует разрыванию мирового единого массового виртуального сообщества. В этих условиях происходит утрата собственного социального. Возникает ощущение социального беспокойства, неэффективности системы социального контроля, разработанной Г. Тардом.

Единственный сценарий в рамках системы коммуникативного управления — это продуктивно ежесекундно работать с информационным контентом и человеком, сидящим перед экраном компьютера. Эффективно работать можно лишь на социологическом уровне [Заяц 2013б: 58]. Можно заниматься правовой болтовней, принимать массу законов и целевых программ, но они, к сожалению, будут удовлетворять лишь тщеславие своих творцов. И, что самое неприятное, эти интеллектуальные действия никогда не будут давать никакого социального эффекта (речь идет о естественном формировании у 20–35-летних граждан гордости за свое государство, искренней любви к нему и гражданской позиции).

Есть термины, которые аксиоматически вроде бы понимаются любым собеседником, а в реальности — не понимаются большинством из них. Прежде всего, в нашем случае речь идет о когнитивной категории «коммуникация». Открываешь любой учебник, монографию — и дается многозначное определение этого термина. Им модно шеголять интеллектуалам и медийным знатокам. Фактически оно превратилось в вещь из джентльменского набора уважающего себя гуманитария-идеолога — знатока человеческих душ. А на самом деле уже больше 40 лет лучше Ю. Лотмана никто не дал оптимального в своей простоте понимания природы коммуникации как перевода языка моего «я» в язык твоего «ты» [Лотман 1992: 76].

Интерпретация смыслов, объяснение своей позиции и социальный диалог — вот три кита, на которых держатся все успешные коммуникативные практики.

Так мы говорим на русском языке?

Громадное число интенциональных нарушений русского языка и норм, массовые игры со смыслом, виртуозные зрелища масскульта с грамматической фор-

мой в прайм-тайм на главных телевизионных кнопках выкристаллизовывают иллюзию того, что создан некий «текст культуры» как ценностный регулятор социального взаимодействия, практик и рисков, отвечающий потребностям российского общества. А иллюзия такого рода может привести к тому, что, уверовав в то, что роза пахнет лучше капусты, можно и доказать, что и суп из роз получится вкуснее.

На сегодняшний день языковое сообщество как сумма социальных общностей и групп в России бесструктурно, и отсутствует осознанная институционализованная иерархия в отношении владения языком [Kulikova et al. 2017: 169].

Владение русским языком не связано жестко с социальной структурой общества, с наличием особо выделенной культурной элиты. Засорение русского языка и отсутствие языковой элиты, говорящей и думающей на русском языке (на роль которой, к несчастью, виртуозно претендуют только ведущие ток-шоу и гастролирующие по стране бизнес-тренеры по продажам), приводит к тому, что говорить правильно перестало быть социально престижным. Неустойчивое владение литературной нормой языка приводит к столкновению речевых навыков самых различных социальных слоев, что приводит к социальному отчуждению большого числа граждан государства [Kulikova et al. 2016: 84]. Радикализация сознания с помощью манипулирования русским языком как форма быстрой мобилизации некоего сплоченного отряда может спровоцировать серьезные столкновения на улицах городов. А эффект «обманутого ожидания» в отношении корректного текста можно рассматривать и как повод для применения внешнего раздражителя, в т.ч. и для создания искусственных социокоммуникативных предпосылок и условий социального напряжения в стране.

А. Вознесенский в поэме «Оза» озвучил глубокую идею, что «все прогрессы реакционны, если рушится человек». Любой человек сопричастен к происходящему через социальные действия и взаимодействия. Именно с помощью языка он успешно преодолевает коммуникативные вызовы и риски. Исходя из вышеизложенного, социокоммуникативные предпосылки разбалансирования социальной ситуации в современной России присутствуют и имеют как естественные внутренние предпосылки, так и искусственные внешние раздражители [Солодовник 2014: 23-40].

Чтобы сбалансировать ценностно-нормативный механизм социальной регуляции общественных отношений, гарантирующий возможность противостояния манипулятивным технологиям и техникам, необходимо научиться эффективно управлять информационными ресурсами. В системе публичного администрирования информационные ресурсы искусственно трансформируются в информационный продукт, обозначающий векторы развития страны и динамики социального целеполагания в нестабильных социальных системах. Последнее отвечает за общественные ценности большинства, а именно социальной справедливости и солидарности, солидаризации, чести, честности и патриотизма.

Уникальной самобытной характеристикой рынка информационной продукции в современной России может считаться то, что ее ключевым заказчиком, исполнителем и потребителем выступает государственная власть в лице ее органов, организаций и учреждений, имеющая собственные ретрансляторы (например, фактически ежедневные выпуски в прайм-тайм «Вечеров с Владимиром Соловьевым» на одном из главных федеральных каналов).

В рамках индивидуальных личностных информационных технологий наблюдается тенденция ее смещения от субъектов гражданского общества в сторону крупных корпоративных заказчиков (Газпром, РЖД, Роснефть), обладающих колоссальными финансовыми ресурсами. Такая односторонняя потребительская ориентация рынка резко сужает возможности его развития и, как следствие,

деформирует информационное пространство [Телевидение в России... 2016: 19-28].

Качественные социально полезные информационные ресурсы гарантируют общественную самобытность. Можно согласиться с мыслью А. Кончаловского, что «мы живем в постоянно становящемся мире. Мы следуем выработанным формулировкам, которые проверены нашим прежним опытом. Но формулы все время отстают от меняющегося мира <...> мир в своем развитии всегда впереди наших представлений о нем» [Кончаловский 2015: 228].

На современном этапе социальная система в современной России находится в динамичной трансформации по схеме ожидания: распрощавшись с советским прошлым более 25 лет назад, она векторно не уверена в оптимальности реализуемого сценария развития. Постоянно в медийном пространстве всплывают фантомы – страшилки перестроечного СССР и ельцинской России.

Управление информационным полем всегда коррелирует с наличием тех или иных ценностей, норм, систем социального контроля и санкций социального поведения населения, социокоммуникативных и информационно-коммуникационных средств передачи информации, социального понимания и принятия большинством граждан, понятного фундаментального ценностно-нормативного механизма восприятия передаваемой информации [Солодовник, Басай 2016: 257].

Множительное решение институциональных, функциональных и организационных задач социальной информационной политики является основным алгоритмом преодоления угроз разбалансирования ситуации в стране.

Необходимо остановиться на том, что ключевое противоречие в процессе распространения информации заключается в наличии свободы информирования и необходимости ее ограничения [Пшеворский 1999: 132].

Необходимо помнить, что движению информационных потоков всегда препятствуют барьеры географические (полнота информационного сообщения уменьшается по мере удаления от центра создания информации), временные (новостность имеет короткий жизненный цикл), номенклатурные (властные структуры стремятся скрыть всю полноту информации от населения), барьеры социальной неравенства. Ключевым фактором регламентации информационных процессов выступает политико-юридическое регулирование, базирующееся на национальном информационном законодательстве. В Российской Федерации оно детально проработано и введено в действие. Вместе с тем защита от информационных вбросов через социальные сети им не контролируется. Так, например, «закон Яровой» – это некий политический акт устрашения, не решающий социокоммуникативный аспект гипотетической попытки разбалансированности социальной ситуации.

В современном государстве в рамках политической системы независимо друг от друга протекают как направляемые и управляемые, так и неуправляемые информационные процессы [Ильин 1997: 167-169]. Их дифференциация весьма условна.

Целенаправленное манипулирование сознанием людей является основной характеристикой политического информирования граждан властными структурами. Причем направление движения и эмоциональная окраска информационных потоков позволяют судить о степени открытости и закрытости социальной системы, определить тип господствующего политического режима и, главное, ценностные ориентации жителей страны, их устойчивость и предпочтительность. В информационно закрытой системе цель производства информации сводится к идеологическому воздействию и формированию необходимого общественного климата.

В информационно открытой политической системе поток информации нарастает с увеличением числа социальных запросов и естественного социального неравенства социальных общностей при сохранении ценностного принципа равноправия как базового. Через призму коммуникативного управления единство, уникальность системы информационных ресурсов выступает ключевым условием обеспечения системной целостности и когнитивной рациональности информационного пространства.

Управление системой информационных ресурсов понимается как системообразующий фактор государственной информационной политики, направленный на социокоммуникативную интеграцию социального информационного пространства.

Коммуникативная инфраструктура в системе публичного администрирования занимает ключевую, решающую позицию в структурно-организационном и технологическом обосновании целостности социального пространства и успешном преодолении угроз дестабилизации ситуации в стране [Заяц 2014].

Осознание когнитивной необходимости детальной проработки в кругах научной общественности заявленных проблемных полей, алгоритмов оценки качества имеющихся информационных ресурсов, обязательности социальной сбалансированности информационной политики формирует базовые основы безопасности современной России как целостного федеративного государства.

Список литературы

Архив русской революции. В 22 т. (под ред. Г.В. Гессена). 1991. Т. 1-2. М.: Terra-Политиздат. 228 с.

Волков Ю.Г. 2011. Креативное общество как цель российской модернизации. — *Социс. Социологические исследования*. № 11. С. 25-32.

Заяц П.В., Посухова О.Ю. 2012. *Характеристика региона в условиях глокализации*. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ. 50 с.

Заяц П.В. 2013а. Инжиниринговое конструирование в области гуманитарного знания: допустимость использования. — *Вестник РАЕН*. № 3. С. 40-43.

Заяц П.В. 2013б. Информационные ресурсы регионального развития в системе политического инжиниринга. — *Философия права*. № 6. С. 57-60.

Заяц П.В. 2014. Инжиниринг в гуманитарном исследовании. — *Философия права*. № 1(62). С. 27-30.

Заяц П.В. 2015. «Система» как когнитивная категория анализа в инжиниринговых исследовательских практиках. — *Социально-гуманитарные знания*. № 7. С. 81-86.

Зинченко Г.П. 2015. «Фантомы российского общества» как жанр публичной социологии. — *Гуманитарий Юга России*. № 3. С. 168-170.

Ильин М.В. 1997. *Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий*. М.: РОССПЭН. 432 с.

Интернет в России. 2016. М.: Перо. 90 с.

Кончаловский А.С. 2015. *Любовь, жизнь, смерть: Низкие истины, Возвышающий обман*. М.: Эксмо. 480 с.

Лотман Ю.М. 1992. *Статьи по семиотике и типологии культуры*. Таллин: Александра. 476 с.

Посухова О.Ю. 2013а. Работа мечты: сравнительный анализ представлений жителей Ростовской области и России. — *Власть*. № 5. С. 130-134.

Посухова О.Ю. 2013б. Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность. — *Власть*. № 12. С. 100-103.

Посухова О.Ю. 2015. Конструирование профессиональной карьеры в политической сфере российского общества. — *Власть*. № 9. С. 21-26.

Пшеворский А. 1999. *Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке*. М.: РОССПЭН. 320 с.

Солодовник Л.В. 2014. Устойчивость идеологического пространства России в современных условиях. — *Формирование российской идентичности как фактор национальной безопасности*. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Майкоп: Изд-во АГУ. 17-95.

Солодовник Л.В., Басай М.Ю. 2016. Виртуальные коммуникации как феномен межличностного общения в современном мире. — *Гуманитарий Юга России*. Т. 18(2). С. 257-263.

Телевидение в России в 2015 году. Состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад. 2016. М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. 95 с.

Kulikova E.G., Kuznetsova A.V., Sarkisyan V.R., Zayats P.V. 2016. The Media Discourse in the Conceptual Coordinates of Linguistic Ecology: to Problem of Statement. — *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*. Vol. 8. No. 4. P. 83-95.

Kulikova E., Kuznetsova A., Zayats P., Sarkisyan V. 2017. Russian Language in the Intercultural Communication Space: Modern Problem Paradigm. — *International Journal of Applied Linguistics & English Literature*. Vol. 6. No. 1. P. 169-177.

Posukhova O., Zayats P. 2014. Social Engineering as a Mechanism of Optimization of Human Resources Management in Rostov Region. — *Middle-East Journal of Scientific Research*. Vol. 19. No. 3. P. 424-428.

Zayats P., Posukhova O. 2013. Engineering of Political Party Systems: Experience of Methodological Designing in Socio-Humanitarian Knowledge. — *World Applied Sciences Journal*. Vol. 26. No.12. P. 1628-1632.

Zayats P., Posukhova O., Filyushkina D. 2015. Information Resources of Administering Regional Development in the System of Political Engineering. — *Mediterranean Journal of Social Sciences*. Vol. 6(4S2). No. 4. P. 519-522.

SOLODOVNIK Lubov' Vladimirovna, Dr.Sci.(Philos.), Professor of Don State Technical University (1 Gagarina Sq, Rostov-on-Don, Russia, 344000; lu.sol@mail.ru)

ZAYATS Pavel Vsevolodovich, Cand.Sci.(Hist.), Associate Professor of Southern Federal University (105/42 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, Russia, 344006; pavelzajats@gmail.com)

SOCIO-COMMUNICATIVE PRECONDITIONS OF DISBALANCE OF SOCIAL SITUATION IN MODERN RUSSIA: MYTH OR REALITY

Abstract. The article deals with topical problems of the development of modern Russian society. It analyzes qualitative characteristics of the socio-communicative preconditions of the deregulation of the social situation through its mythologization. The authors interpret social reality in a system of coordinates of communicative control. They disclose aspects of the formation of the external stimuli of the value-regulatory mechanism of balanced social relations as a major threat to social stability in the country. The article identifies the methods of effective management of communicative space in modern Russia. It focuses on the fact that communicative infrastructure takes the most important place in ensuring the integrity of the social space in the country. The authors approach to the analysis of the claimed problem field in terms of interdisciplinary practices, which are based on methods of public administration and communicative management.

Keywords: humanities, social diagnosis, prognosis, communicative management, socio-communicative factors, social information space
